

Он любил тишину. Но здесь, тишина казалось, имела материальную оболочку. Она подавляла звуки. Тьма окутывала корабль. Они гребли. И звуки их гребли подобно волнам от весел растворялись моментально. Это море было невозможно потревожить. Даже если луна вдруг упадет в эти воды, волна моментально исчезнет, словно её никогда и не было. Клочки снега появлялись и таяли мгновенно. Матросы жались ближе друг к другу. Земля была недалеко. Она была освещена сотней, нет, тысячей свечей. Маленькие маяки никогда не гасли. Ни сырость, ни холод не могли погасить восковых стражей храма. Десятка три лодок были пришвартованы к берегу.

-Суши весла.

Моряки переодевались в тёмные рясы. Они скрывали лицо и тело, даровали долгожданное тепло и уют. Корабль встал на пристань. Он осмотрел другие лодки. Скорее всего, все имена вымышлены. Остров задавал тысячи вопросов и большинство из них не имело ответов. Откуда свечи? Кто их зажигает? Почему здесь столько кораблей? Зачем мы приплыли? На самом деле большинство ответов способно ужаснуть даже самого стойкого человека. Пятнадцать человек вышло на берег. Они несли коробки и склянки с неизвестным никому содержимым. Здесь слово капитана было законом. Хотя, нет. Оно было выше любого закона. На пристани почти не было свечей. Темнота поглощала любой свет. Моряки внесли коробки в пустой дом

-Я дальше один. Будьте осторожны в этом месте.

Капитан ушёл. Спустя десятки дней странствий Он наконец вступил на землю. Капитан дал разрешение. Может это и не самое дружелюбное место, но вскоре они вернуться на тесный сырой корабль и будут грести до кровавых волдырей. Он решил развеяться. Хотя бы немного. Чем выше Он поднимался, тем больше становилось свечей и теней. Казалось, люди специально избегали света. Он был приучен: в чужой монастырь со своим уставом не ходят, а потому подобно другим бродил сквозь тени. Короткий жалобный крик озарил остров. Никто не обратил внимание. Крик стоял у Него в ушах. Вопросов становилось лишь больше. Выше и выше поднимались тени. Теперь это уже был странный марш. Своеобразное паломничество. Храм был освещен почти полностью. Сотни свеч стояли на деревянной крыше, вечно открытых дверях, прямо на дороге. Никто не осмеливался подойти к свету. Было ощущение тог, что если протянуть руку в этот ласковый теплый свет она будет немедленно обожжена. Сотни людей склонили головы и стали на колени вокруг круга освещённого свечами. Холод отступил от Него. В чужой монастырь... Он также стал на колени и начал читать про себя молитву богу, в которого верил. Страх темноты отступал, а внутренний голос читавший молитву креп и становился всё громче и громче. Как долго Он это делал? Громкий крик в очередной раз не был услышан. Словно человека связали и сдирали кожу живьём. Он поднял голову. Никто не обратил внимание. Теней стало меньше. Между стройными рядами ходили монахи, облаченные в яркие красно-белые одежды. Одежда скрывала верхнюю часть лица. Ему положили руку на плечо.

-Не бойся, сынок. Ты голоден?- обратился старый добрый голос к Нему. На фоне темно-серого пейзажа он выглядел невероятно ярко. Словно сам был очередной свечой разгоняющей тьму. Белоснежная улыбка на фоне густой длинной бороды завораживала. Эта была та самая улыбка старого близкого человека. Она согревала и успокаивала.

-Идем, мой друг.

Старик в рясе потянул Его за руку. Вскоре, они вошли в один из старых крепкий домов. Вездесущие свечи освещали дом.

-Не бойся, перекуси. Ты наконец-то дома. Отдохни. Нет. Не снимай капюшона. Здесь ни у кого нет имён.- добродушно улыбнулся старик.

Стол был переполнен едой. Мясо было запечено, зажарено, сварено. Казалось, не было способов приготовить мясо ещё как-нибудь. Все виды и способы готовки были на столе. Сочные стейки таяли во рту. Жир стекал по подбородку. Медовуха лишь разжигала аппетит. Домашний уют. Приятная усталость. Всё вокруг стало близким и родным. Необъяснимый голод заставлял есть больше и больше.

-Хах. На здоровье. Только вот, с собой запрещено что-либо уносить.

Прозвонил колокол. Из окна была видна площадь. Когда Он уходил, на площади было мало теней. Но сейчас их число возросло.

-Ты наелся? Чтож, рад буду видеть тебя снова, мой друг.- На фоне тьмы улыбка ослепляла особенно сильно.

Он не хотел идти обратно. Но тьма поглотила Его без остатка. Он снова стал очередной тенью. Холод освежал рассудок. Теперь Он тоже не обращал внимание на крики. Они становились громче. Чем дальше он отходил от храма, тем гуще становилась тьма. Количество теней уменьшалось по мере продвижения к причалу. Грязный серый снег вгонял в тоску и уныние. Теперь Ему не хотелось задавать вопросы. Он мечтал о том, что когда-нибудь вернётся к доброму монаху и в тепле и уюте будет есть самое вкусное в мире мясо. Огрубевшие руки стали очень плохо чувствовать боль. Но, от отчаяния Он сжал руку в кулак с такой силой, что сумел почувствовать боль. Капля крови упала на грязный истоптанный снег. Обратно в море. Темное, кровожадное, мертвецки тихие и спокойное. Когда Он вернется домой? Сколько еще Ему придется вытерпеть? Прочь сомнения. Он вернётся. И ни один храм, ни один дом и никакая еда не собьет Его с цели. Он вернётся живым и богатым. Обязательно. Вопросы снова стали появляться в его голове. Тысячи вопросов заставляли ум выйти из коматозного, хмельного состояния. Чьё же мясо я ел?- не давал Ему покоя один, главный вопрос.

-Ты долго. Мы тебя ждали. Пошли на корабль.- Приказал капитан. На его поясе звенел тяжёлый кожаный кошель. Жадная улыбка озаряла его лицо. Рясы на нём не было. За что он выручил столько денег? За коробки и склянки?

Интересно, а Он сможет сделать такую же вкусную еду? Кок приболел и команда уже месяц питалась помоями.

На корабль поднялось четырнадцать человек. Весла вернулись в истертые руки. Корабль поплыл дальше. Сквозь темное море.

Темный храм освещенный свечами оставался позади. Вопросы порой не имеют ответов